
**Свящ Николай Блиновъ. Языческій культъ
вотяковъ. Вятка. 1898 г. 103 стр. ц 30 к.**

Названная книжка состоитъ изъ краткаго предисловія, 21 главы и заключенія.

Въ предисловіи авторъ пишетъ, что онъ будетъ сообщать специально-бытовыя черты вѣрованія вотяковъ, въ гл. I возстановляетъ въ памяти читателей „существенныя фазы официального теченія Муланскаго дѣла“, въ гл. II говоритъ о скудости и неудовлетворительности этнографическихъ данныхъ, заключающихся въ дѣлѣ, въ гл. III и IV выясняетъ истинное значеніе мудоровъ и воршудовъ, въ гл. V указываетъ на скудость свѣдѣній о языческой религіи вотяковъ.

Далѣе съ цѣлю „разобраться въ сужденіяхъ о христіанственности религіозныхъ воззрѣній вотяковъ“ авторъ считаетъ необходимымъ ближе ознакомиться съ характеромъ вотскихъ моленій и описываетъ въ гл. VI моленіе вотяковъ на Пасхѣ, акашки и номиненіе покойниковъ, въ гл. VII моленіе весной, лѣтомъ и зимой, въ гл. VIII—общественныя вотскія моленья. Въ гл. IX авторъ высказываетъ свое мнѣніе

о мѣстѣ родины вотяковъ и говорить о главномъ вотскомъ божествѣ—Булдѣ. Гл. X сообщаетъ о существованіи культа Булды въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Елабужскаго уѣзда; главы XI, XII и XIII доказываютъ индійское происхожденіе вотскаго Булды и вообще всей вотской религіи. Въ гл. XIV разсказывается о томъ, какъ вотяки двигались изъ Азии въ Европу, какъ жили болѣе тысячелѣтія въ глухихъ лѣсахъ Европы. Въ концѣ главы говорится о вотскомъ богѣ Султанѣ Янташѣ. Далѣе авторъ описываетъ моленіе вотяковъ Луду, говоритъ объ Адамѣ Кылдыснѣ, о духахъ (перн) (гл. XV), о неудачныхъ переводахъ нѣкоторыхъ христіанскихъ молитвъ на вотскій языкъ, двоевѣрїи вотяковъ (гл. XVI), о вліяніи на вотяковъ христіанства (гл. XVII) о сильномъ вліяніи туно, описываетъ ритуальъ вотскихъ человѣческихъ жертвоприношеній и приводитъ случаи таковыхъ жертвоприношеній (гл. XVIII и XIX), разбираетъ нѣкоторыя возраженія противъ возможности человѣч. жертвоприношеній (гл. XX). Въ XXI гл. говоритъ о томъ, что вотяки находятся на различныхъ степеняхъ обрусѣнія; въ заключеніи указываетъ на нѣкоторыя мѣры къ дѣйствительному улучшенію въ духовно-правственной жизни вотскаго племени, а именно на введеніе всеобщаго обученія вотскихъ дѣтей грамотѣ, ограниченіе переводовъ молитвъ на вотскій языкъ, на ознакомленіе воспитанниковъ Семинаріи съ этнографіей ивородцевъ.

Книжка, какъ видно изъ этого краткаго перечня ея содержанія, не отличается систематичностью въ расположеніи матеріала; помимо того и въ отдѣльныхъ главахъ можно встрѣтить уклоненія, отступленія отъ главнаго предмета рѣчи, что въ связи съ неопредѣленными и неясными (по мѣстамъ) выраженіями весьма затрудняетъ ознакомленіе съ нею. Видно также, что заглавіе книжки не вполне исчерпывается ея содержаніемъ, ибо въ ней нѣтъ полнаго описанія вотскаго языческаго культа. Впрочемъ авторъ, повидимому, и не стремится

къ полному обследованію этого культа, а ставитъ себѣ болѣе узкую задачу - доказать тезисъ, „что вообще человѣческія жертвоприношенія въ исключительныхъ случаяхъ *возможны* (курсивъ автора) у вотяковъ нѣкоторыхъ мѣстностей“ (стр. 7), „выяснить внутреннія причины, безспорность существованія антигуманныхъ бытовыхъ взглядовъ и побужденій полуязыческаго племени“ (стр. 92).

Въ дѣйствительности же онъ старается доказать не только возможность, но и существованіе человѣческихъ жертвоприношеній. Такая *цѣль* и содержаніе книжки должны возбудить въ читателѣ интересъ. Авторъ, какъ видимъ, затрогиваетъ вопросъ, который еще недавно, года два—три тому назадъ дебатировался въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Тогда вопросъ этотъ такъ и остался не рѣшеннымъ окончательно, т. е. никому не удалось доказать существованіе человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ, хотя былъ выдвинутъ цѣлый рядъ циркулирующихъ среди населенія слуховъ, изобрѣтены особыя вотскія обычаи, измышлены особыя вотскія вѣрованія. Появленіе цѣлой книжки съ извѣстнымъ рѣшеніемъ вопроса послѣ ряда болѣе чѣмъ неудачныхъ попытокъ естественно заставляеть предполагать, что авторъ ея составившій уже, какъ извѣстно, весьма почетное имя въ литературѣ, обладаетъ серьезными и основательными данными для его разрѣшенія, такъ какъ только при этомъ условіи и объяснимо появленіе новой книжки. Самъ авторъ, повидимому, обѣщаетъ удовлетворить этому требованію: по крайней мѣрѣ, еще въ началѣ книжки онъ заявляетъ, что все написанное предъ послѣднимъ разсмотрѣніемъ дѣла въ г. Мамадышѣ для этнографической литературы не имѣло серьезнаго значенія, что онъ ставитъ свой тезисъ (о существованіи у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній) „при безпристрастномъ литературномъ обсужденіи вопроса“. Но это предположеніе, къ сожалѣнію, не оправдывается, какъ въ этомъ убѣждаетъ болѣе детальное разсмотрѣніе труда почтеннаго автора.

Однимъ изъ основныхъ пунктовъ новой книги слѣдуетъ признать установленіе главнаго вотскаго божества, которому приносятся и человѣческія жертвы. „Какъ ни странно, — говоритъ о. Блиновъ, — но до сихъ поръ этнографамъ неизвѣстно, кто у вотяковъ признается за высшее божество. Если вотякъ, знающій свою вѣру, пожелаетъ правильно отвѣтить на вашъ вопросъ объ этомъ богѣ-боговъ, то не задумываясь скажетъ истинный первый богъ — *Булда*: „больше его нѣтъ бога“. Вотъ ключъ къ уразумѣнію характера языческихъ вѣрованій“ (стр. 42).

Аргументируется этотъ основной, впервые и весьма настойчиво заявляемый тезисъ слѣдующимъ образомъ: 1) въ глухой Ильинской волости Елабужскаго уѣзда указываютъ деревню, въ которой Булда сидѣлъ на деревѣ; 2) въ дер. Сарамакѣ (того же уѣзда) находился Старый Булда, который отпустилъ своихъ сыновей въ дер. Аргабашъ, Бемыжъ и Вожи; 3) общественное моленіе Булдѣ совершается еще въ нѣсколькихъ другихъ вотскихъ селеніяхъ Елабужскаго уѣзда; 4) указанія на Булду имѣются и въ литературѣ (Вят. Губ. Вѣд. 1859. Изв. Общ. Арх., Ист. и этнографія 1881, III).

Наименованіе главнаго вотскаго божества наводитъ далѣе о. Блинова на мысль о буддѣйскомъ происхожденіи религіи вотяковъ. Слово „булда“ на основаніи существующаго будто бы въ вотскомъ языкѣ закона перехода буквъ д и т при сдвоеніи о. Блиновъ превращаетъ въ слово Будда: получается наименованіе основателя одной изъ извѣстныхъ религій міра. Оказавшееся такимъ образомъ сходство именъ говоритъ о. Блинову о родствѣ двухъ религій, о происхожденіи вотскаго язычества изъ буддизма. ¹⁾ Другія доказательства буддѣйскаго происхожденія вотскаго культа авторъ усматриваетъ въ употребленіи вотяками огня при моленіяхъ, неслож-

¹⁾ О буддизмѣ вотяковъ авторъ, какъ извѣстно, заявлялъ и на X съѣздѣ естествоиспытателей и врачей. (Дневн. Съѣзда № 6).

ности обряда избранія и поставленія жреца (безъ религіозныхъ церемоній), обычай класть съ покойникомъ вещи необходимыя въ житейскомъ обиходѣ, учевіи о перевоплощеніи животныхъ и духовъ, въ сохраненіи вотяками завѣтовъ буддизма, выражаемыхъ кратко въ трехъ словахъ: будда, законъ и община, въ сходствѣ вотской религіи съ религіями ламантовъ, тунгусовъ и калмыковъ, образовавшимися подъ вліяніемъ буддизма.

Въ этой аргументаціи — что ни шагъ, то произволь. Изъ всѣхъ приведенныхъ авторомъ указаній на Булду можно сдѣлать развѣ только такое заключеніе, что въ Елабужскомъ уѣздѣ извѣстенъ какой-то булда, но и здѣсь извѣстность его не повсемѣстна, такъ какъ на стр. 49 самъ авторъ говоритъ, что къ нѣкоторымъ моленіямъ вотяковъ сосѣди ихъ — вотяки же относятся неодобрительно съ своей, конечно, точки зрѣнія, называя ихъ „мѣдлань—возъ“, неправильноемоленіе“. Приписывать же на основаніи такихъ данныхъ культъ булды *всѣмъ* вотякамъ по меньшей мѣрѣ странно, тѣмъ болѣе, что изъ другихъ изслѣдователей вотскаго быта ни одинъ не упоминаетъ Булду въ числѣ не только главныхъ, но и просто божествъ. Автора не смущаетъ даже то, что по одному вотскому преданію, записанному еще въ 1859 г. ¹⁾, главнымъ булдой называется и Св. Николай Чудотворецъ.

Оцѣнка такихъ пріемовъ доказательства дается самимъ же авторомъ. „*Неправильное* (курсивъ нашъ) мнѣніе о вотякахъ — пишетъ онъ на стр. 100 — составляетъ на основаніи наблюденій не надъ всей массой жителей хотя одной извѣстной мѣстности въ совокупности, а лишь на выборъ надъ тѣми изъ нихъ, съ которыми приходится разговаривать или имѣть дѣло.“

Далѣе, что это за законъ превращенія буквъ д или т при сдвоеніи?

¹⁾ См. Вят. Губ. Вѣд 1859 г. № 32.

Для разъясненія и подтвержденія этого закона авторъ приводитъ только два примѣра: булда и алтай.

Изъ нихъ первое слово—то, которое еще само требуетъ доказательствъ.

Во второмъ авторъ произвольно предварительно вставилъ второе т (а-т-тай) и потомъ т превратилъ въ л, не обративъ вниманія на то, что слово алтай есть не что иное, какъ извращенное Алатау (пестрыя горы).

Доказательства, приводимыя авторомъ въ пользу буддйскаго происхожденія вотскаго культа или совершенно неубѣдительны или поражаютъ свою странностию. Употребленіе при моленіяхъ огня, обычай класть съ покойникомъ предметы житейскаго обихода и пр. свойственны всѣмъ дикарямъ. Ужели всѣ дикари буддисты? Какимъ образомъ можно, далѣе, отождествлять буддискій законъ, т. е. систему буддйскаго ученія, съ вѣрованіями и религіозными воззрѣніями вотяковъ на боговъ, природу и свою жизнь, неизмѣнно—неподвижно(!) будто бы сохраняемыми? Что общаго и сходнаго между вотскою общиною съ ея распорядками и общиною буддистовъ—этимъ монашескимъ орденомъ, въ которомъ живутъ люди, покинувшіе семью, отрѣшившіеся отъ міра и стремящіеся къ Нирванѣ, т. е. совершенному уничтоженію, прекращенію существованія! Ужели самоотреченіе буддистовъ, вытекающее изъ основнаго принципа ихъ ученія,—то же, что неизмѣнно вотяками культурныхъ жизненныхъ удобствъ (жизнь въ грязныхъ жилищахъ, употребленіе скудной пищи, всевозможныя болѣзни)?

Итакъ мы видимъ что совершенно произвольно вотякамъ приписывается культъ булды и произвольно этотъ культъ объясняется вліяніемъ буддизма.

Еще болѣе странныя приемы доказательства мы встречаемъ въ изслѣдованіи о. Блиновымъ вопроса о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ.

Сначала авторъ утверждаетъ, что о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ сами вотяки, присутствующіе на нихъ, „ничего не будутъ рассказывать, а постороннихъ русскихъ, конечно, не бываетъ. Только наивные люди или желающіе показаться таковыми могутъ разсуждать, что, если уже приносить въ жертву человѣка, то вотяки должны сдѣлать это, какъ въ цркви, всенародно“ (стр. 82).

„Если жертвоприношеніе совершено, то ни о чемъ, ни объ участвовавшихъ въ немъ лицахъ никто изъ вотяковъ, хотя бы между ними были противники всѣхъ языческихъ жертвъ, не согласится не только свидѣтельствовать предъ начальствомъ, а даже не выскажется въ частномъ разговорѣ съ постороннимъ лицомъ“ (стр. 81). Выводъ отсюда, повидимому, одинъ: о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ ничего нельзя знать. Но еще прежде на стр. 46 авторъ утверждаетъ, что человѣческія жертвы приносятся Буддѣ, а на стр. 82 рисуетъ предъ нами полный ритуаль человѣческихъ жертвоприношеній. „Участники задуманнаго моленія избранную жертву, напоивъ кумышкой, тщательно обмываютъ, окутываютъ вмѣсто бѣлья съ ногъ до головы чистымъ холстомъ, выводятъ на дворъ, или въ какое либо холодное зданіе, или уносятъ въ подполье. Тамъ сначала привязываютъ обреченнаго къ столбу. Жрецъ молится и парчаськисъ вонзаетъ въ пахъ жертвы узкій, какъ шило, ножъ. Бодзвымъ-восясь подставляетъ чашку для вытекающей крови. Когда кровотеченіе остановится, жертву, уже безъ сознанія, отвязываютъ отъ столба и кладутъ на вѣтки ели; подъ шею и плечи подставляютъ корыто. Это дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда шея перерѣзается напрочь и въ то же время отрубается правая рука. Чтобъ не вызывать подозрѣнія частымъ появленіемъ безголовыхъ труповъ, или по другимъ причинамъ (не требуется ритуаломъ моленія по данному поводу, — неурожай, а не эпидемія ¹⁾), ограничиваются отнятіемъ одной правой руки

¹⁾ Это мѣсто представляется совершенно неяснымъ.

у плеча; при чемъ повреждаются и ребра, такъ какъ въ образующееся отверстіе вынимается сердце. Далѣе, трупъ вывозится на землю сосѣдней деревни“.

Словомъ, ритуаль описывается такъ, какъ будто самъ авторъ неоднократно бывалъ на этихъ жертвоприношеніяхъ. Авторъ знаетъ даже скрытые мотивы вотскихъ дѣйствій (чтобы не вызывать подозрѣнія... и т. д.). Стало быть, есть еще какой-то источникъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Что это за источникъ? На этотъ *самый существенный* вопросъ читатель не найдетъ никакого отвѣта.

Но допустимъ, что ритуаль именно таковъ, какъ описываетъ о. Блиновъ, и перейдемъ къ тѣмъ фактамъ, въ которыхъ авторъ видитъ указанія на человѣческія жертвоприношенія.

О. Блиновъ приводитъ сначала 12 случаевъ. Въ шести случаяхъ находимы были трупы вблизи вотскихъ селеній, въ 3-хъ исчезли люди (одинъ въ 1879 г. изъ дер. Лакать Ижма, два неизвестно когда—изъ дер. Большого Позяла и дер. Янгулова); въ трехъ, по увѣренію автора, были просто жертвоприношенія „моленія“, а уже ничего не говорится ни о трупахъ, ни объ исчезновеніи людей. Изъ шести труповъ, о которыхъ говоритъ авторъ, одинъ оказался безъ головы и правой руки, другой съ головой, но безъ правой руки, третій съ головой и правой рукой, но съ двумя проколами ножомъ на лѣвомъ и правомъ бедрахъ, четвертый безъ головы и грудныхъ внутренностей и два просто безъ головы.

Если сопоставить эти признаки на трупахъ съ приведеннымъ выше описаніемъ вотскаго языческаго ритуала, то окажется, что лишь въ одномъ трупѣ можно было бы видѣть жертвенные остатки. Надъ всѣми другими трупами не выполнено операций, полагающихся по ритуалу о. Блинова. Впрочемъ, почтенный авторъ вскорѣ забываетъ и о сдѣланномъ описаніи

и о случаяхъ, только что разсказанныхъ, и пишетъ на стр. 88: „но если при моленіи отрѣзывается голова и вынимаются внутренности, куда и для чего все это назначается?“

Въ случаяхъ исчезновенія труповъ странно какъ будто видѣть указанія на жертвоприношенія. Вѣдь, по ритуалу о. Блинова, жертвенный трупъ вывозится на землю сосѣдней дер. Какимъ же образомъ и куда онъ исчезаетъ? Какія на этотъ счетъ существуютъ правила и исключенія изъ правилъ?

Для подтвержденія своихъ мыслей авторъ ссылается на докладъ, читанный на Миссіонерскомъ Съѣздѣ въ Казани г. Дьяконовымъ, и пишетъ, что г. Дьяконовъ на основаніи вѣскихъ данныхъ высказывается за существованіе среди вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній и приводитъ факты (стр. 90). И вслѣдъ за симъ о. Блиновъ разсказываетъ о 4 фактахъ.

Обращаясь къ докладу ¹⁾ г. Дьяконова, видимъ, что эти 4 факта тѣ самыя, что приведены тамъ. Но вотъ что странно: о. Блиновымъ передаются они далеко не такъ, какъ въ первоисточникѣ. Такъ, напр., по описанію г. Дьяконова трупы, вскрытыя фельдшеромъ Петровымъ, были только безголовыми, по книгѣ о. Блинова одинъ изъ нихъ оказывается еще и безъ внутренностей; о Герасимѣ Казаковѣ (сторожъ удѣльной дачи) г. Дьяконовъ говоритъ, что онъ исчезъ безслѣдно, точно сквозь землю провалился; о. Блиновъ прибавляетъ къ этому: „слышно было, что онъ попалъ въ какую-то вотскую деревню (?) и тамъ пропалъ“. По словамъ г. Дьяконова, *трупъ* мальчика Ермолая Кузнецова, но безъ головы, найденъ былъ чрезъ годъ. О. Блиновъ утверждаетъ, что спустя годъ найдены были лишь кости (а не трупъ). Кто же изъ нихъ говоритъ правду? Что и какъ было на самомъ дѣлѣ? Г. Дьяконовъ говорилъ на съѣздѣ: „это, отцы и братія, разсказы вполне достовѣрные, на нихъ есть у меня письменныя доказательства“. Каковы же въ такомъ случаѣ разсказы о. Блинова.

¹⁾ Отпеч. въ Миссіонерскомъ Обзорѣніи. 1898. Іюнь. Сентябрь.

Мы обращаемъ вниманіе на эту разницу не съ цѣлью мелочныхъ придирокъ, а затѣмъ, чтобы показать, какъ обстоитъ въ упомянутой книжкѣ фактическая сторона, которая какъ главное и единственное, по нашему мнѣнію, доказательство существованія человѣческихъ жертвоприношеній, должна бы быть прежде всего и болѣе всего точной и вѣрной.

Во всякомъ случаѣ теперь закрадывается сомнѣніе уже не только въ правильности толкованія о. Блиновымъ или Дьяконовымъ фактовъ, но и въ достовѣрности этихъ фактовъ. Очень можетъ быть, что въ дѣйствительности было не такъ, какъ говоритъ Дьяконовъ, и не такъ, какъ утверждаетъ о. Блиновъ, а какъ-нибудь иначе.

По словамъ о. Блинова, г. Дьяконовъ имѣетъ еще вѣскія данныя къ тому, чтобы утверждать о существованіи человѣческихъ жертвоприношеній. Обращаемся къ докладу. Кромѣ тѣхъ фактовъ, о которыхъ мы уже упоминали, и описанія обычнаго жертвоприношенія, мы встрѣчаемъ тамъ еще нѣкоторыя разсужденія объ утаиваніи вотяками человѣческихъ жертвъ (было бы наивно думать, что о такой серьезной вещи вотякъ сталъ говорить открыто) и такія соображенія: „я рѣшительно не вижу причины, почему бы этимъ жертвамъ (человѣческимъ) и не быть. *Да, онѣ существуютъ* ¹⁾ (курс. авт.). Это не только логически послѣдовательно съ точки зрѣнія человѣка, вѣрующаго по старому, человѣка столь же невѣжественнаго и дикаго, какимъ былъ во времена Авраама его забытый предокъ“.

Такія соображенія, въ которыхъ утверждается о тождествѣ нынѣшнихъ вотяковъ съ ихъ забытыми предками, современниками Авраама, считать вѣскими данными можно только подъ влияніемъ весьма сильнаго увлеченія извѣстной идеею.

Сопоставленіе книжки о. Блинова съ докладомъ г. Дьяконо-

¹⁾ Между тѣмъ на предшествующей страницѣ г. Дьяконовъ писалъ, что онъ не беретъ на себя смѣлости рѣшить вопросъ о человѣч. жертвоприношеніяхъ въ томъ или иномъ смыслѣ.

ва любопытно еще въ одномъ отношеніи. О. Блиновъ, какъ мы видѣли выше, утверждаетъ, что человѣческія жертвы приносятся вотяками *буддъ*. Г. Дьяконовъ, вѣскость данныхъ котораго признаетъ о. Блиновъ, пишетъ, что человѣческія жертвы приносятся злему божеству Ильмъ (стр. 1184). О. Блиновъ говоритъ, что въ человѣческомъ жертвоприношеніи важны собственно внутренности (стр. 89.); г. Дьяконовъ догадывается, что *головы людей* играютъ очень важную роль въ этомъ случаѣ. По словамъ о. Блинова, внутренности помѣщаются въ томъ мѣстѣ, гдѣ вытекаетъ изъ земли источникъ, или въ верховьи ручья, протекающаго по селенію. По словомъ г. Дьяконова, голова должна обязательно находиться (постоянно или нѣтъ — онъ, г. Дьяконовъ, этого не дозволялъ) подъ деревомъ, посвященнымъ Ильмъ. Нужно замѣтить, что оба автора имѣютъ при этомъ въ виду одинъ и тотъ же уѣздъ Вятской губерніи (Елабужскій).

Докладъ г. Дьяконова отчасти является первоисточникомъ для книжки о. Блинова — и намъ страннымъ кажется, почему послѣдній не счелъ нужнымъ критически разсмотрѣть хотя бы тѣ положенія, въ которыхъ г. Дьяконовъ расходится съ нимъ.

Утверждая существованіе у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній, о. Блиновъ никакъ ни хочетъ разстаться съ тою мыслью, что и въ с. Мултанѣ было тоже жертвоприношеніе. Разными способами проводитъ онъ въ сознаніе читателя эту мысль. Въ Мултанѣ живутъ, говоритъ онъ, вотяки двухъ племенъ — будла и удчуръ. Слово „будла“ что же другое, какъ не будда? Если повнимательнѣе распросить мѣстныхъ жителей, то навѣрное окажется гдѣ-либо по близости селенія подходящая для собраній гора, лѣсокъ и вообще „веселое мѣсто“ — то и будетъ мольбищѣ Буддѣ, гдѣ и моленія живыхъ существъ могутъ случаться.

Здѣсь опять и невѣрныя посылки и произвольные вы-

воды. Во первыхъ, въ Мултанѣ живетъ, какъ извѣстно изъ Мултанскаго дѣла, племя не будда, а *будмуцкое*. Последнее слово уже гораздо труднѣе превратить въ „будда“. Да если бы и въ дѣйствительности одно изъ Мултанскихъ племенъ называлось будда или даже, допустимъ, будда — что отсюда слѣдовало бы? По нашему мнѣнію только то, что одно изъ многочисленныхъ вотскихъ племенъ называется будда, будда и ничего болѣе. Во вторыхъ, какую силу могутъ имѣть эти выводы при помощи „*навѣрное*, могутъ“?

Укажемъ еще на нѣкоторыя отдѣльныя мѣста въ книгѣ — невѣрныя или неосновательныя, по нашему мнѣнію.

На стр. 99 авторъ говоритъ, что вотяки до сближенія съ русскими отличались замѣчательною устойчивостію, и другія племена, входившія въ близкое общеніе съ ними, *обязательно* овотячивались. Гдѣ для этого данныя? Намъ извѣстны данныя противоположнаго характера. Напр., тамъ, гдѣ въ XVIII вѣкѣ вотяки жили вмѣстѣ съ татарами, общеупотребительнымъ языкомъ былъ не вотскій, а татарскій. Въ началѣ 19 вѣка были случаи принятія вотяками магометанства. Даже самъ о. Блиновъ на стр. 77 пишетъ, что вотяки Пермской губерніи охотнѣе переходятъ въ магометанство и что съ 1881 года переходъ вотяковъ въ магометанство безусловно воспрещенъ (стало быть, онъ былъ и прежде?). Далѣе. Откуда авторъ знаетъ, что первые миссіонеры ко многимъ предметамъ языческаго культа новокрещенныхъ вотяковъ относились снисходительно“ (Стр. 50)?

Объ этомъ свѣдѣній не сохранилось, неизвѣстно даже, кого можно считать первыми миссіонерами среди вотяковъ.

Совершенно невѣрно, заявленіе автора о томъ, что первые приходы изъ новокрещенныхъ вотяковъ находятся только въ Глазовскомъ уѣздѣ, что вотяки южной части Глазовскаго уѣзда и другихъ юговосточныхъ уѣздовъ Вятской губерніи крещены *значительно* позднѣе (чѣмъ 150 лѣтъ назадъ).

Первый вотскій новокрещенскій приходъ, какъ извѣстно, былъ въ Еловѣ (основ. въ 1741 году); въ составъ его входили вотяки не только нынѣшняго Глазовскаго, но и сѣверной части Сарапульскаго уѣзда. Въ 1743 году изъ него былъ выдѣленъ Дебесскій приходъ (Сарапул. у). Къ 1746 году были назначены къ открытію еще 9 приходовъ и изъ нихъ 2 (Пургинскій и Чутырскій) опять Сарапульскаго уѣзда. 3 іюля 1751 года, т. е. черезъ пять только лѣтъ, были открыты 6 вотскихъ приходовъ въ нынѣшнихъ Сарапульскомъ, Малмыжскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ (Завьяловскій, Водзимонскій, Мултанскій, Басурманъ-Можгинскій, Пужеучинскій и Алнашскій). Еще черезъ годъ было сдѣлано представленіе въ Св. Синодъ объ открытіи приходовъ Вавожъ-Можгинскаго и Бемышъ-Пелгинскаго. Къ 1760-мъ годамъ въ трехъ юго-восточныхъ уѣздахъ Вятск. губерніи (Сарап., Малм. и Елабужскомъ), входившихъ въ составъ Казанской епархіи, было 12 вотскихъ приходовъ, въ которыхъ насчитывалось болѣе десяти тысячъ новокрещенныхъ. Кромѣ того, многіе вотяки были приписаны къ старорусскимъ приходамъ. Такимъ образомъ разница во времени обращенія въ христіанство вотяковъ Глазовскихъ и южныхъ вовсе уже не такъ значительна.

На стр. 39 о. Блиновъ пишетъ, что „никогда и нигдѣ вотяки не молятся о прощеніи грѣховъ (курс. автора); они еще не возвысились до пониманія грѣховности дурныхъ наклонностей“. Между тѣмъ еще въ 1862 году на страницахъ Вят. Губ. Вѣдомостей была помѣщена одна молитва вотяковъ, которая заканчивалась слѣдующимъ образомъ: избави, Господи, насъ отъ колдуновъ и всѣхъ несчастій и прости намъ, Господи, всѣ грѣхи (1862, № 14 и 15). Эта особенность молитвы также была отмѣчена упомянутымъ органомъ, какъ нѣчто отличное въ сравненіи съ молитвами, записанными въ 1838 году.

Резюмируемъ кратко сказанное выше. Основныя поло-

женія книжки „Языческій культъ вотяковъ“ представляются въ сущности ни на чемъ не основанными; гипотеза о буддизмѣ вотяковъ произвольна и бездоказательна. Все, что говорится по вопросу о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ, обследовано неполно и необстоятельно, критически не проверено, сбивчиво, противорѣчиво и страдаетъ тенденціозною произвольностію выводовъ. Въ виду этого книжкой пользоваться можно лишь съ крайнею осторожностію.

Въ заключеніе разбора позволимъ себѣ высказать одно пожеланіе, которое высказано было нами и на X Сѣздѣ естествоиспытателей и врачей, а именно: было бы весьма желательно, чтобы вопросъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ—сдѣлался, наконецъ, предметомъ вполне непристрастнаго и строго научнаго изслѣдованія, чтобы здѣсь не было мѣста ни слухамъ и разсказамъ, критически не провереннымъ и надлежащимъ образомъ не установленнымъ, ни тенденціозно поспѣшнымъ выводамъ.

П. Лупповъ.
